

лов; Дальневост. краевой исполн. ком. М.: Изд-во Всес. ассоц. с.-х. библиогр.; Л.: 1 тип. изд-ва Леноблисполкома и Ленсовета, 1935.

12. О прекращении работ по составлению библиографии Дальневосточного края. Постановление 240 Президиума Далькрайисполкома 11 марта 1938 г., Хабаровск.

13. *Маикова М. В.* Н. В. Здобнов (1888–1942): очерк жизни и деятельности. М.: Изд-во Всесоюз. книж. палаты, 1959.

Г. И. Лангсдорф
ПИСЬМА И МАТЕРИАЛЫ.
КАМЧАТКА В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЯХ
Г. И. ЛАНГСДОРФА 1805–1809 гг.

(Комментарий **Б. Н. Комиссарова**, перевод писем **Л. В. Садовниковой**)

В жизни и деятельности выдающегося путешественника Георга Генриха фон (Григория Ивановича) Лангсдорфа его интерес к Камчатке сыграл исключительно важную роль. Собственно, вся история пребывания ученого на российской службе (а ни на какой другой он никогда и не состоял) делится лишь на два периода – камчатский и бразильский. Во время своего кругосветного путешествия (август 1803 – март 1808 г.), продолжавшегося четыре года и семь месяцев, десять месяцев он посвятил исследованиям на трижды посещенной им Камчатке, преодолев по землям полуострова пешком, верхом и на собачьих упряжках не менее полутора тысяч километров. С 15 июля 1804 г., когда на корабле «Надежда» под командованием И. Ф. Крузенштерна ученый впервые прибыл в Петропавловск, и до издания 9 апреля 1812 г. подписанного Александром I «Нового положения о Камчатке», в котором были учтены многие его рекомендации, состояние и судьба полуострова неизменно находились в центре внимания Лангсдорфа, а сделанные там наблюдения и собранные материалы в фокусе его научных интересов.

Резонно спросить, в чем причина всего этого. До того как Лангсдорф ступил в Копенгагене на борт «Надежды», он не состоял на какой-либо государственной службе, а был свободно практикующим врачом, хотя одна ниточка все же связывала его с Россией. Среди его членств в научных сообществах, тогда немногочисленных, единственным иностранным явилось избрание в январе 1803 г. членом-корреспондентом Петербургской Академии наук, хотя серьезных преимуществ это не обеспечило: Лангсдорф был включен в состав экспедиции в качестве натуралиста при условии последующего возмещения им потраченных на него в течение плавания средств.

Однако за почти годичное плавание ученый зарекомендовал себя столь позитивным образом, что по достижении Петропавловска – первой российской территории на маршруте «Надежды» – его положение радикально изменилось. Получив чин надворного советника (соответствующий VII классу по Табели о рангах), он был фактически принят на российскую службу, вошел в состав посольства камергера Н. П. Резанова в Японию и в случае успеха этой миссии планировался последним в качестве дипломатического представителя России в этой стране (1, с. 29). Планы камергера, как известно, не осуществились, но Лангсдорф, конечно, получил сильнейший импульс, чтобы в качестве естествоиспытателя и этнографа начать исследование Камчатки – части территории Российской империи, которой ему предстояло служить.

По прибытии в Петербург в марте 1808 г. Лангсдорф, успевший послать министру коммерции Н. П. Румянцеву из Иркутска обстоятельную записку о Камчатке и реформах, в которых она нуждается (2, с. 113), а также почти два с половиной месяца беседовавшим о ней в Тобольске с генерал-губернатором Сибири И. Б. Пестелем, полагаем, знал тогда о полуострове больше, чем кто-либо в России. Не случайно с легкой руки Пестеля в феврале-марте 1808 г. носились слухи, что недавнего натуралиста с «Надежды» прочат на пост гражданского губернатора Камчатки (1, с. 45).

Настоящая публикация содержит три переведенных с немецкого и посвященных Камчатке отрывки из писем Лангсдорфа из Петропавловска. Одно из них было послано в Петербург физику академику Л. Ю. Крафту, два других – в Геттинген естествоиспытателю профессору И. Блуменбаху. Письма были написаны, соответственно, 13 августа 1804 г., а также 23 августа 1804 г. и 7 июня 1805 г. и опубликованы одно в 1805 г. в Петербурге и Лейпциге, а два других – в 1805 и 1806 гг. в Веймаре. Небольшой отрывок из письма Крафту в переводе на русский появился, тоже в 1805 г., в «Технологическом журнале» (3, с. 155–159). Кроме того, в публикации приводится полный перевод этнографической статьи Лангсдорфа о камчатских грибах-мухоморах и связанных с ними

обычаях местного населения. Она была опубликована в 1809 г. во Франкфурте-на-Майне в трудах местного Метеорологического общества, почетным членом которого являлся ученый. Источники в публикации расположены по хронологическому принципу. Даты приводятся по новому стилю.

Выбор Лангсдорфом своих корреспондентов был далеко не случаен. Среди блестящих профессоров Геттингенского университета, который закончил Лангсдорф, особым почетом было окружено имя Иоганна Фридриха Блуменбаха (1752–1840). Он был крупным анатомом, физиологом, разносторонне образованным естествоиспытателем (его руководство по естественной истории выдержало 12 изданий). Однако всемирную известность он заслужил главным образом как антрополог и основатель научной краниологии. Коллекция черепов, собранная Блуменбахом, была наиболее полной из существовавших в то время. Материалы по антропологии Блуменбах в значительной мере черпал из описаний путешествий. Он не только с величайшей скрупулезностью, в строгой хронологической последовательности изучил все труды такого рода, хранившиеся в богатейшей университетской библиотеке, но и предложил методы их научной критики. При анализе описаний Блуменбах тщательно исследовал личность путешественника, сопоставлял труды исследователей, работавших в каком-либо районе одновременно, предостерегал от необдуманного сравнения наблюдений, сделанных в разные годы.

Научный авторитет Блуменбаха, отдавшего профессорской деятельности шестьдесят лет, был громадным и сделал Геттинген местом паломничества натуралистов из разных стран. В 1828 г. А. Гумбольдт, слушавший в свое время лекции ученого, назвал его наряду с Гёте «патриархом отечественной славы» (4, с. 58). Яркие, впечатляющие лекции Блуменбаха учили исследовать природу и человека в их неразрывном единстве и взаимодействии, пробуждали мысль, страсть к путешествиям, жажду открытий. Блуменбах стал главой целой школы естествоиспытателей и народоведов, каждый представитель которой в той или иной мере воплотил в своей деятельности научный стиль и методы геттингенского профессора. Он требовал от своих воспитанников не только изучения природы, языка, культуры, нравов и обычаев исследуемой ими страны, но и умения смотреть на окружающее глазами ее населения, жить его заботами, понимать его каждодневные трудности. Представителями школы Блуменбаха были исследователи Африки Ф. Хорнеманн, У. Зетцен, Г. Рентген, М.-Г. Лихтенштейн, И. Буркхардт, много путешествовавший по Северной и Южной Америке Максимилиан цу Вид-Нейвид, Ф. Линк, изучавший Перенейский полуостров, А. фон Гакстгаузен, известный своими трудами о России, и многие другие. Лангсдорфу суждено было занять среди них особое место.

Мать Лангсдорфа, уроженца небольшого городка Вёлльштейн в курфюршестве Майнц, Анна Катарина, в девичестве Кох, умерла в 1779 г., когда ее сыну едва исполнилось пять лет. Отец будущего путешественника Готтлиб Эмилиус, управитель Вёлльштейна, вскоре вторично женился, и у Георга появился сводный брат Вильгельм. В результате мальчик заметно отдалился от новой семьи отца, тем более, что она в 1784 г. переехала в г. Лар, а он закончил среднюю школу в Бухвейлере, а гимназию – в Идштейне. После поступления в 1793 г. в университет у 19-летнего Лангсдорфа сложились исключительно добрые отношения с Блуменбахом. Знаменитый профессор стал для юноши не только учителем, но и наставником, советником, фактически заменив ему отца. Георг часто бывал в доме Блуменбаха и отнюдь не только по учебным делам. На всю жизнь ему запомнились обеды по приглашению учителя и доверительные беседы с ним.

Когда Лангсдорф по возвращении из Португалии, в которой провел, занимаясь медицинской практикой, часть 1797 – начало 1803 г., узнал в Геттингене об остановке кораблей Крузенштерна в Копегагене, он в тот же день отправился в столицу Дании, чтобы попытаться присоединиться к этой экспедиции. «Никогда еще ни одно кругосветное путешествие не вызывало у меня столь теплых чувств», – писал Блуменбах вскоре после отъезда своего ученика (4, с. 63).

В публикуемых отрывках, помимо описаний богатой камчатской природы и важности торговли Петропавловска с Японией и Китаем, есть важное замечание теоретического плана. Лангсдорф, как очевидец, констатировал схожесть видов флоры и фауны на разных концах евразийского материка, т. е. на двух полуостровах – Пиренейском (в частности, в Португалии) и на Камчатке. В этой связи, как он упоминает, не являются исключением и северные районы Германии.

Письмо, побудившее Лангсдорфа незамедлительно отправиться в Копенгаген, написал как раз Логин Юрьевич Крафт (1743–1814), с которым Лангсдорф заочно познакомился еще в свою бытность в Лиссабоне, где неудовольствованный лишь врачебной практикой, серьезно занялся ихтиологией, используя для покупки новых видов рыб богатейший местный рынок. Для консервации ихтиологических препаратов ученый разработал специальное мышьяковистое мыло, оказавшееся весьма эффективным. В марте 1802 г. он сообщил Крафту о своих ихтиологических наблюдениях,

способах изготовления чучел рыб, а также послал несколько таких объектов. Спустя десять дней Лангсдорф вновь отправил Крафту «маленькое сообщение о рыбах и насекомых», и по получении положительного отзыва об этих материалах видного русского географа и естествоиспытателя академика Н. Я. Озерецковского в январе 1803 г. было принято предложение Крафта об избрании «доктора медицины из Лиссабона» членом-корреспондентом Петербургской Академии наук (1, с. 13).

Младший сотрудник знаменитого Леонарда Эйлера, преподаватель младших сыновей Павла I, профессор ряда российских высших военных и гражданских учебных заведений, физик, математик, астроном, Крафт был не чужд и демографических исследований, в частности, о народонаселении Петербурга во второй половине XVIII в. Он стал авторитетным союзником Лангсдорфа в Академии наук. Самые положительные отзывы ученого о природных условиях Камчатки и первые наброски необходимых там нововведений, которые мы находим в публикуемом отрывке, очевидно, сказались на отношении петербургских верхов к будущим преобразованиям на полуострове.

На Камчатку Лангсдорф не вернулся, а стал в июле 1808 г. адъюнктом по ботанике в Академии наук, однако, еще не успев приступить там к своей деятельности, был послан (в условиях русско-французского союза и присоединения России к континентальной блокаде Англии) сопровождать в качестве врача готовившийся к отправке из Оренбурга торговый караван в Самарканд и Бухару. А когда в октябре, уже по его прибытии в расположение этого каравана, стало ясно, что Лондон сорвал намерение петербургского правительства прощупать сухопутные подходы к Индии, ученый испросил отпуск для поездки в германские земли.

Лангсдорф побывал в Геттингене у Blumenбаха, навещал отца, жившего в Брухзале и занимавшего там пост вице-канцлера верховного суда Великого герцогства Баденского, возобновил многие старые академические связи. Научный авторитет путешественника в германских государствах был уже весьма значителен. Помимо геттингенских Физического и Научного обществ, куда он был избран соответственно в 1798 и 1803 гг., он являлся с 1808 г. членом-корреспондентом Баварской Академии наук в Мюнхене; с 1805 г. в Гейдельбергском университете в течение многих лет для него сохранялось место профессора естественной истории. Тогда-то в Метеорологическом обществе во Франкфурте-на Майне он и сделал доклад о камчатских мухоморах. В этой небольшой по объему, блестящей работе Лангсдорф проявил себя не столько как ученый-миколог, сколько как внимательнейший наблюдатель-этнограф, продемонстрировавший неразрывную связь человека (в данном случае ительменов и коряков) с окружающей их природной средой. Лангсдорфу было тогда 35 лет и он был расцвете своих сил. Таким мы видим ученого на выполненном Ф. Лехманом в Дармштадте самом известном его гравированном портрете (5).

В Петербург Лангсдорф возвратился в июне 1809 г., в сентябре стал в Академии адъюнктом по зоологии и вскоре женился на Фридерике Шуберт, дочери известного астронома академика Ф. И. Шуберта. Ученый продолжал обрабатывать свои камчатские материалы, заседал в правительственном Комитете для внутреннего устройства Камчатской, Охотской и Якутской областей, учрежденном под председательством И. Б. Пестеля, готовил к печати капитальное описание своего кругосветного путешествия, весомая часть которого должна была быть посвящена так любимому ему далекому дальневосточному полуострову.

1. *Комиссаров Б. Н.* Григорий Иванович Лангсдорф. 1774–1852. Л., 1975.

2. *Лангсдорф Г. Г.* Изъяснение политического положения Камчатки и предложение для улучшения расстроенного состояния этого полуострова // *Комиссаров Б. Н., Шафрановская Т. К.* Неизвестная рукопись академика Г. И. Лангсдорфа о Камчатке (К 200-летию со дня рождения ученого) // *Страны и народы Востока.* Вып. XVII. Страны и народы Тихого океана. Кн. 3. М., 1975.

3. Выписка из письма академику Крафту о Камчатке // *Технологический журнал.* 1805. Т. 2. Ч. 2. С. 55–159

4. *Plischke H.* Johann Friedrich Blumenbach's Einfluß auf die Entdeckungsreisenden seiner Zeit. Göttingen, 1937. S. 58.

5. *Ровинский Д. А.* Подробный словарь русских гравированных портретов. Т. 1-2. СПб, 1889.

Г. И. Лангсдорф. Письма и материалы.

От переводчика:

В 2014 г. исполняется 240 лет со дня рождения ученого. Идет подготовка к празднованию юбилейной даты. Камчатка, безусловно, окажется в центре этого события, а именно в реализации Международного культурно-экологического проекта «Лангсдорф – XXI век», в котором также примет участие международная группа государств БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР) и Германия. Так, «установка памятного знака на возвышенности, носящей имя Лангсдорфа, в Налычевском природном парке, по словам Бориса Николаевича Комиссарова – инициатора упомянутого проекта – явится признанием роли Лангсдорфа в мировой науке, а также в истории Камчатского края» (1).

Трудность перевода писем Г. И. Лангсдорфа заключается в том, что написаны они готическим шрифтом, причем одной из его рукописных разновидностей, называемой фактурой (острое письмо с ломаными очертаниями). Оно возникло в XVII–XVIII вв. и использовалось вплоть до XX в. Да и качество фотографий текстов оставляет желать лучшего.

Мне достались три письма Г. И. Лангсдорфа. Первым из них оказался фрагмент письма доктора Лангсдорфа академику Крафту из гавани святых Петра и Павла от 13 августа 1804 г., опубликованного в 1805 г. в Санкт-Петербурге и Лейпциге издательством Иоганна Фридриха Харткноха в историческом журнале Генриха Шторха «Россия при царе Александре Первом».

По рекомендации российского физика и астронома академика Логина Юрьевича, а точнее – Вольфганга Людвиг Крафта, в 1803 г. Лангсдорф был избран членом-корреспондентом Петербургской Академии наук.

Оказавшись на Камчатке, Григорий Иванович все свое свободное время посвятил изучению природы и населения полуострова. В Петербург же послал академику Л. Ю. Крафту письмо с краткими сведениями о своих наблюдениях. Сообщив о своих исследованиях свечения моря и барометрических наблюдениях в тропиках, ученый с восхищением говорил о природе Камчатки и предсказывал ей богатую будущность при условии сохранения ее природных ресурсов и внесения благоустройства в быт ее населения.

Далее приводится полный перевод письма под названием «Дополнение к рапортам с парусников кругосветного путешествия из Камчатки»:

№ 1

Письмо Г. И. Лангсдорфа Л. Ю. Крафту. 13 августа 1804 г. Петропавловск

«Большое расстояние, на котором я живу от типографии, послужило тому, что сообщение господина доктора Эспенберга о Нутаиве появилось во «Фремютигене» раньше, чем в этом журнале. Поскольку я послал это сообщение в качестве направленного самому себе письма в общественные круги, то это обстоятельство показалось некоторым читателям настолько необычным, что они осведомились у меня по поводу этого заявления. Вот оно.

Во всяком случае, весь путевой журнал не только касается меня, но и написан для меня. Это подтверждают как еще ненапечатанные места в этом письме, оригинал которого находится в томах господина Харткноха, так и напечатанные высказывания господина Крузенштерна в его томах (читай. XIV. с. 7). Наряду с этим господин доктор Эспенберг, не уведомив меня, отправил копию сообщения о Нутаиве господину Хакенрихтеру фон Кноррингу в Эстонию, который передал его своему другу господину Коцебу. Последний позволил себе немедленно поместить его во «Фремютиген», и таким образом, вполне естественно, что он мог выйти раньше в этой ежедневной газете, чем в моем лишь ежемесячно и с опозданием выходящем журнале. – Я охотно совсем избежал бы этого сообщения; но для того, чтобы известить об этом решении моего издателя, было слишком поздно из-за большого расстояния, на котором мы живем, и мне не оставалось ничего другого, как выступить с данным заявлением, чтобы отвести подозрение, как будто бы я послал чужую собственность под своим именем. (Ответственный редактор издания.)

Второй прибывший с Камчатки курьер вновь доставил депеши и письма с парусников кругосветки, которые, однако, были ничуть не свежее, чем доставленные ранее сообщения».

Фрагмент из письма господина доктора Лангсдорфа господину городскому советнику, академику и кавалеру ордена фон Крафту. Гавань Святых Петра и Павла, 13 августа 1804 года:

«Если Вы узнаете, что наш корабль прибыл на Камчатку и новости о нас дошли до Санкт-Петербурга, значит, Вы заранее по праву можете рассчитывать на вести от меня; несмотря на то, что я стараюсь уверить Вас в моей преданности и благодарности, на этот раз я все же опасаясь выглядеть эгоистом, и я виноват перед Вами, так как, отчитываясь о своей работе, обращаюсь с просьбой направить самое интересное из этого в Императорскую Академию наук. Однако, прежде всего, позвольте мне коснуться нескольких моментов нашего путешествия. Новости экспедиции будут Вам и без того достаточно известны.

Остров Святой Катарини мы покинули 4 февраля по новому стилю. Благодаря попутному ветру уже 25 февраля нашему взору представился мыс Джон; но затем, сменяя друг друга последовали град, дождь, туман и шторм.

28 февраля между 58 градусами 24 минутами южной широты и 63 градусами 55 минутами западной долготы барометр показывал 28 минут 5 секунд. С этого места необходимо было бы предположить, что дальше погода будет ухудшаться. Вообще в этих поясах она (величина) была еще ниже, и, кажется, как будто атмосфера здесь оказывает различное влияние.

Сражаясь с почти неизменно устойчивыми северо-восточными ветрами, мы, наконец, имели удовольствие в конце марта во второй раз побывать на пользующемся плохой репутацией мысе Горн. 7 марта мы достигли острова Нутаива между 8 градусами 57 минутами южной широты и 140 градусами 3 минутами долготы; но последнее необходимо уточнить еще и по измерительному прибору с циферблатом.

Этот остров обжит прекрасными людьми. Мужчины вполне приличного роста; рост большинства составляет 6 футов и выше. Хорошо сложенная фигура равномерно татуирована, что многим вполне идет.

Совершенно неожиданно на острове мы нашли двух принявших гражданство европейцев: англичанина и француза, которые внесли в наш журнал очень важные сообщения. Так, теперь мы, например, с наивысшей достоверностью знаем, что те люди, которых так превосходно и благоправно описывали Кук, Форстер и спустя некоторое время Марханд, являются опасными людоедами; они пожирают не только своих врагов; нет, во время голода, который здесь, как и на других южных островах, иногда случается (поскольку никто не заботится о пропитании на следующий день), жертвами являются их собственные союзники, друзья и родственники, которыми они удовлетворяют свои естественные потребности.

Естественно-историческая коллекция пополнилась здесь, главным образом, большим количеством превосходнейших новых видов крабов. В глубь острова можно было отважиться недалеко; наши европейские переводчики подсказали нам, что аборигены не так дружелюбны, какими кажутся. Я искал общения с опустившимися, почти одичавшими европейцами, чтобы использовать их в составлении словаря, который может послужить в качестве доклада к пояснению языкознания и народоведения и исследованию возможного коренного населения этого острова на основании родства языков. Хотя очень может быть, что это так несовершенно, и все же я рад сообщить Вам об этом.

17 мая по новому стилю мы снялись с якоря и 8 июня увидели остров Овхией. Продукты питания были здесь из ряда вон дорогие, т. к. жители в новые времена завалены всевозможными предметами обмена. На красивые ценности и вещи они смотрели равнодушно и отказывались от всего, за исключением тонкого сукна.

Отсюда под парусами мы плыли прямо на Камчатку. Наш почтенный капитан, обладающий многими выдающимися талантами и знаниями, настолько, насколько это возможно, следил за движением во время всего путешествия по южному океану; но, к сожалению, нам не везло с открытием какого-нибудь, еще неизвестного, острова, и даже когда мы имели признаки находящейся неподалеку земли, как, например, по соседству с экватором, у нас снова не было времени, чтобы ее осмотреть, т. к. нашим намерением было уже в этом году плыть в Японию. 15 июля по новому стилю после почти шестимесячного путешествия по морю мы достигли горячо долгожданной гавани святых Петра и Павла.

Мои основным занятием со дня отъезда из Бразилии были исследования и наблюдения за влажностью морской воды. Я уже начал разрабатывать научный трактат с самыми интересными, производящими впечатление наблюдениями и изображениями этих предметов, чтобы передать их Вам; но вскоре я увидел, что из всего этого могла получиться только незаконченная работа. И так,

в надежде, что во время нашего дальнейшего путешествия мне удастся написать к этому некоторую статью, я оставляю за собой удовольствие сообщить Вам об этом нечто более удовлетворительное.

Другим моим занятием, которое мне поручил господин капитан Крузенштерн, и, поскольку господин доктор Горнер не мог закончить начатое со мной дело, то я все же не хотел оставлять надежды начатую, возможно, единственную в своем роде работу, с надеждой и намерением переслать Вам этот физический доклад законченным, и таким образом, хотя вначале это стоило мне немало усилий, однако в течение более десяти месяцев час за часом, день за днем я продолжил наблюдения от южной окружности поворота до нашего прибытия на Камчатку; наблюдения последних недель, уже по эту сторону окружности поворота, я преднамеренно продолжил, особенно в сравнении с предшествующими. Закономерное повышение и падение барометра между поворотными кругами, судя по наблюдениям, бесконечно. Многие другие результаты, которые можно получить из этих таблиц, я передаю физикам для более глубокого исследования.

Наше пребывание здесь заслуживает особого упоминания, т. к., вероятно, это большая редкость, когда общее представление о какой-либо стране так ошибочно, как представление о Камчатке. Я сам, как и тысячи других, представлял себе эту землю самой убогой и бедной, населенной медведями и волками, и большую часть года покрытые снегом пустыни. Но как приятно я был удивлен, когда взглянул на эту огромную землю, и как велико было мое изумление, когда я начал колесить по всей округе! (Не следует забывать, что автор увидел Камчатку после длительного морского путешествия и в благоприятное время года. – Изд.) 15 июля по новому стилю после почти шестимесячного путешествия по морю мы достигли горячо долгожданной гавани святых Петра и Павла.

Поистине, красивейшие и плодороднейшие долины можно было бы возделывать! Разнообразные цветы, обжитые различного рода насекомыми, почти каждый день радуют мой глаз. Огромное количество имеющихся в наличии натуральных продуктов велико, и их количество может быть увеличено до бесконечности посредством более высокой культивации. Картофель и горох растут здесь очень хорошо, но их не сеют в надлежащем количестве. Фруктовые деревья могли бы быть, по моему мнению, без труда культивированы, осины и ели, которых я здесь, правда, и не видел, едва могли бы препятствовать их росту. Погодные условия со времени нашего пребывания все время были хорошими и приятными; солнце чередовалось с дождем, полезным для посевов, и иногда с туманами. Термометр показывал 8–15 градусов тепла (по Ц. – Пер.) Да, я чаще смотрел на него на солнце, и температура достигала 20 и 22 градусов выше нуля (по Ц. – Пер.) Кроме того, это, должно быть, огромная территория, которая является менее плодородной и изобильной частью полуострова.

Одна из главных проблем – увеличение населения. Только когда будет оказана поддержка населению, новые идеи и открытия по развитию этой земли дадут результат.

Вызывал удивление факт замужества молодых девушек 13–14 лет, которые физически еще не могут выполнять свои супружеские обязанности.

Вторая важная проблема лежит в недостатке необходимых квалифицированных рабочих. Так, принесли бы большую пользу гончары, кирпичники, мыловары; лица, которые бы понимали в солеварении, умели бы ловить китов, солить и коптить рыбу. Человек, знающий коммерцию, умный и сердечный, с юношеским пылом, который не из корысти, а с желанием творить добро хотел бы отправиться сюда добровольно, нашел бы здесь вдоволь работы и прекрасную возможность заслужить благословение и любовь жителей этого полуострова и оставить незабываемым свое доброе имя в истории. Следовало бы принять во внимание и необходимость в оборудовании для мельниц, осушение заболоченных территорий и т. д. Близкая связь с Японией могла бы, совершенно определенно, рано или поздно превратить эту страну в одну из самых важных в этой части света, т. к. все продукты, необходимые для жизненных удобств, такие как одежда, глиняная посуда, железная и медная утварь, чай, сахар (к которым здесь уже привыкли), и которые до сих пор по большим ценам и с невероятными трудностями доставлялись сюда из Сибири, будут получать из-за более близкого расстояния из Японии или Китая, без чрезмерных затрат взамен неисчерпаемых запасов ценного меха и копченой, соленой и вяленой рыбы, которая здесь на побережье и на берегах рек зачастую остается неиспользованной и гниет.

Однако я обременяю Вас вещами, которые меня, собственно говоря, совсем не касаются. Поэтому не верьте, что я пренебрег истинным объектом моих наблюдений; именно это и есть то, что привело меня к подобным размышлениям. Просто из такого богатства разнообразных объектов природы я сделал вывод, что эта земля достойна более высокой культуры и более пристального внимания.

Дальнейшего плана нашего путешествия я точно не знаю; но я знаю, что посланник господин Резанов разработал превосходные планы.

Р. С. Я уже было закончил письмо к Вам, когда мне пришло в голову сообщить в нем хорошую новость, касающуюся моей личной судьбы. Поэтому разрешите мне уведомить Вас только в нескольких словах, что господин Резанов предложил мне официальную службу; а именно то же годовое жалованье в размере 2 000 руб. помимо 800 рублей на «столование», что получает и господин придворный советник Тилезиус.

До прибытия сюда я сам, как Вам известно, от Копенгагена предпринял путешествие в качестве волонтера из любви к науке. Должно быть, мое поведение, моя деятельность или, по крайней мере, моя добрая воля способствовали этой перемене, тогда это было бы исполнением данного Вам обещания, всегда достойно соответствовать Вашей хорошей рекомендации. В то же время я считал своим долгом сообщить об этом господину президенту Академии наук, и т. д.

1. Auszug eines Schreibens des H. Dr. Langsdorff an den H. Akademikus... v. Krafft. S. Peter und Paulshafen. 13 Aug. 1804 // Storch H. Russland unter Alexander dem Ersten. Eine historische Zeitschrift... St.-Pbg. Leipzig, 1805. Bd. 6. S. 414, 415–418.

№ 2

Из письма Г. И. Лангсдорфа И. Блуменбаху. 23 августа 1804 г. Петропавловск

Дальнейшие сообщения о путешествии господина доктора Лангсдорфа И. Ф. Блуменбаху. Из гавани Петра и Павла на Камчатке 23 августа 1804 года.

Мы покинули остров Святой Катарини 4 февраля. При весьма благоприятном ветре уже 25 февраля мы увидели мыс Святого Джона (самый восточный пик Штатов) (Прим.: И так, тем же самым путем в 1643 году прошел голландский адмирал Бенрид Броувэр в удивительной экспедиции из Бразилии в Чили; где он также проплыл вокруг Штатов через Магелланов пролив и еще через пролив Святой Марии, но восточнее. Совершенно ошибочно считали его тогда и еще долгое время после морским проливом, которому дали название пролива Броувэра, в чем как президент де Броцег (история навигаций в Южные Земли, т. I, с. 422 и т. II, с. 46), так и многие другие географы ошибались. – На основании еще не напечатанного донесения об этом знаменитом путешествии, письменный текст которого имеется у меня, я известил так называемый геттингинский журнал Лихтенберга 11 года издания, 6 сентября. – И. Г. В.).

(Журнал Воигта. Том X от 3 сентября 1805 года). Но хорошая погода продержалась всего лишь несколько дней; вместо этого поднялись сильные ветры, и почти все время нас сопровождали дождь, град, туман и шторм.

В низких зонах кажется, что барометр находится в других отношениях с атмосферой, чем у нас. Так, 28 февраля уровень прибора был прекрасным, хотя была штормовая погода, и при таких обстоятельствах (28 минут 5 секунд) предполагалось, что будет еще хуже.

29 февраля температура ночью была только 1 10/2 выше точки замерзания. Днем она изменилась от 3 до 5 градусов. Таким образом, мы пересекли те пасмурные регионы до почти 60 градусов, и в постоянной борьбе с северо-западными штормами только в конце марта могли сказать, что мы обогнули мыс Рог, названный таким странным именем еще во время путешествия вокруг света Анзона.

24 марта шторм и туман разъединили нас с нашей спутницей «Невой», с которой мы снова встретились только на новых Маркизских островах.

В Чили мы не заходили, а вместо этого захотели посетить такой своеобразный и заслуживающий особого внимания, в высшей степени удивительный остров Пасху. Единственное, что противилось нашему замыслу, были плохая видимость и погода, и если бы наш план все еще включал в себя в этом году плавание в Японию, то мы могли бы удовлетворить свое любопытство без большой потери времени.

До этого было решено сразу же после новых Маркизских островов направиться в Японию и выбрать там самый большой остров Нутаива (Noonhevah на английских картах) (Прим.: Самые большие из этих новых Маркизских островов названы – остров Мартина Хергестом и остров Бо Мараном – И. Г. В.) в качестве места подкрепления, где мы затем 7 мая в гавани Святой Анны Марии и бросили якорь. (Прим.: На острове М. М. (Маркес де Мендоза) старых Маркизских островов, которые открыл отважный испанский мореплаватель Альверо Вендана в 1595 году во время своего второго экспериментального путешествия на предположительно богатые золотом Соломоновы

острова и назвал их именем Маркеса де Мендоза, и которые затем в 1774 году во время своего второго кругосветного путешествия снова посетил Кук.

Те, новые (острова), не высаживаясь на берег, впервые в мае 1791 года увидел капитан Инграхэм фон Бостон.

Маран (Этьен) нашел их спустя месяц и назвал их островами Революции.

В марте 1792 года туда приплыл чилийский капитан Хергест, и незабвенный Ванкувер назвал их островами Хергеста в честь своего замечательного попутчика. Таким же образом капитан Роберт фон Бостон, который побывал здесь в конце 1792 или в начале следующего года, назвал их островами Вашингтона.

Однако возможно найдется еще более ранний след этому на интересной карте островов на тех просторах Тихого океана, набросок которых был сделан для господина баронета Бэнкса, а тот передал его доктору Форстеру, который опубликовал его в отличных заметках о своем путешествии вокруг света. С. 444. – И. Г. В.)

С первого взгляда, этот остров малопривлекателен, т. к. он почти полностью усеян замшелыми голыми камнями и черными вулканическими глыбами и только местами покрыт травяным ковром. Однако эти кажущиеся отвесными горы пересекаются очень плодородными долинами, в которых кормятся тысячи обитателей острова. Не говоря уже о кокосовых орехах, остров наполнен хлебными плодами превосходного качества. И свиньи здесь есть в большом количестве, однако мы смогли достать для себя лишь несколько. Жители, особенно мужчины, в основном, красивы, в большинстве своем атлетического роста со свойственным мужчине умением вести себя и силой. Больше всего меня поразила их татуировка. Правильность и, я сказал бы, вкус в этих рисунках, которые, в общем, имеют бросающееся в глаза сходство с нашими так называемыми орнаментами a la Grecque, могли бы стоить немалых усилий хорошему художнику, чтобы точно изобразить их. Все их тело с головы до ног полностью покрыто этими орнаментами, посредством чего и без того красивое строение этих людей выделяло их больше, чем костюм или украшение. А одежда является всего лишь потребностью, которую они едва ли понимают: к тому же их ткани из тутового дерева и другой коры плохого изготовления.

Самым неожиданным для меня было то, что на этом острове, который, как мы сначала думали, навряд ли посещали европейские корабли, жили два европейца, которые, как нам показалось, почти так же одичали, как и туземцы.

Один из них, англичанин, жил здесь уже 6 лет и у него были жена и дети. Другой, француз, обитал 7–8 лет то на одном, то на другом острове этой группы и имел двух молодых жен. Родной язык он почти совсем забыл, поэтому, чтобы мы могли друг друга лучше понимать, он должен был прибегать к помощи английского языка, насколько он его выучил, будучи на матросской службе на одном английском корабле. Оба эти человека поселились здесь и, между прочим, получили возможность за короткое время узнать об этих островах и их жителях больше, чем это посчастливилось кому-либо из мореплавателей (за исключением английских миссионеров). (Прим.: Из которых (миссионеров) Брат Грок сначала немалое время провел на о. Святая Катарина и передавал чрезвычайно интересные сообщения обо всей группе старых Маркизских островов и их жителях. (Смотри Геттингенские ученые донесения 1799, с. 200 и 201). Каким образом он оттуда попал на остров Нутаива и его замечательные сообщения с этого острова, смотри в Продолжении истории новейшего евангелистского заведения в Англии (часть III, с. 20. – И. Г. В.).

К сожалению, мы признали, что наши предшественники, а именно еще господин Маран, очень сильно заблуждались относительно характера островитян, когда они описывали их нам благонаправными гуманными людьми, в то время как здесь очень скоро мы убедились в обратном, они были самыми опасными людоедами, каких только можно себе представить. Они пожирают не только своих врагов, нет, временами, когда наступает голод, который здесь время от времени случается, как и на других полинезийских островах (не исключая их «королеву» о. Отахейте), т. к. эти беззаботные люди не думают о будущем; таким образом, во время голода, как это отвратительно ни звучит, они пожирают своих собственных детей и жен.

Украшения из локонов (Прим.: Академический музей в Геттингене в своей большой коллекции экспонатов мирового значения полинезийских островов обладает чрезвычайно симпатичным плетеным браслетом из локонов островитян Маркизских островов, который был доставлен из второго путешествия Кука с острова Святой Кристины. – И. Г. В.) которые путешественники привозили на память своим друзьям и родственникам, – это трофеи убитых врагов. Точно так же они привозят целые черепа, подвешенные вокруг бедер как знак победы (Прим.: Обитатели острова Отахейте

ограничиваются тем, что обдирают своих убитых врагов и вывешивают их в качестве трофеев. Господин баронет Бэнкс писал мне, что однажды на о. Отахейте в середине путешествия он видел украшенный вход в дом, на котором нанизано большое количество этих знаков победы. – И. Г. В.) – обычай, к стати говоря, дал мне возможность приобрести для Вашей коллекции несколько красивых черепов. Из других экспонатов этот остров дал мне главным образом немало материалов растений и новых видов крабов. Также я собрал довольно полный указатель слов местного языка.

17 мая мы снялись с якоря, хотя при выходе рисковали разбиться из-за неожиданно поднявшегося порыва ветра; но нам еще посчастливилось спастись благодаря пронизательности и деятельности нашего бывалого капитана и других офицеров и обойтись лишь потерей якоря.

8 июня мы добрались до Южного моря (экваториальная и южная часть Тихого океана) и обнаружили, что жители в избытке снабжены скобяными и другими обменными товарами, что они, в отличие от нас, высоко ценили свои продукты питания, с неохотой рассматривали красивейшие ценности и топоры, которые мы им предлагали, и повелись лишь на тонкое английское сукно.

Первый план был – плыть в Японию прямо отсюда; но вскоре, уже в начале нашего путешествия возникли обстоятельства, которые побудили капитана Крузенштерна и посланника Резанова сначала, уже в этом году, плыть на Камчатку, выгрузить тамошним жителям некоторые товары и после этого сразу идти в Японию.

Основным моим занятием в период этого времени было продолжение начатых еще на о. Тенериф наблюдений за свечениями моря. Мои многочисленные наблюдения за ним дают мне, я хотел бы сказать, неоспоримый результат, что этот феномен вызван обитающими в нем бескровными животными различного рода; при этом – что мне кажется особенно странным – найденные мною в Южном море и теперь здесь в русском северном архипелаге виды маленьких раков, раков-богомолов, косяки, группы и т. д. точно такие же, каких я ловил и находил светящимися в Атлантическом океане.

Другим моим занятием было особое распоряжение, данное мне нашим отличным, обладающим исключительными знаниями капитаном Крузенштерном. Он уже давно изъявлял желание, чтобы наш астроном господин доктор Горнер и мы, натуралисты, смогли днем и ночью по очереди понаблюдать за состоянием барометра вблизи экватора, чтобы тем самым точнее определить влияние луны на атмосферу, главным образом отлив и прилив. Доктор Горнер и я начали глубокие наблюдения, уверенные в их важности, уже при южном повороте окружности. Но доктор Горнер не мог продолжать участвовать в этом из-за очень сильной, непрекращающейся ревматической зубной боли, так что по большей части работу, которая, хотя и не является трудом большого умственного напряжения, но все же требует самой стойкой выдержки, заканчивал я один. То есть я отказал себе в длительном сне и два месяца ежечасно день и ночь наблюдал за барометром, термометром и гигрометром (и т. д.) от южных тропиков вплоть до нашего прибытия на Камчатку.

Систематический подъем и падение барометра, который работает в соответствии с луной, а это, как следует из наблюдений, совершенно бесспорно, и в руках более глубоко исследующего физика эти наблюдения могут подвести к еще более важным результатам в объяснении физических свойств мировой системы.

Наше предвзятое представление о климате Камчатки было не самым лучшим. К большой радости относительно климата мы выгодно заблуждались. Здешняя местность, которая по утверждению жителей и краеведов, принадлежит к самым плохим на полуострове, все же пригодна для возделывания культур. Природа предусмотрела для нее массу наиболее полезных продуктов, и отсутствуют только «руки», чтобы здешнее пребывание сделать не только удобным, но и приятным. Рыбу здесь трудно найти в большом количестве. Но придет время, когда лосось поднимется в реки, и тогда можно будет препятствовать его продвижению и просто нужно запастись мешком, чтобы наловить его столько, сколько нужно. Сотни тысяч рыб остаются лежать мертвыми на берегу и служат пропитанием медведям и собакам. В здешнем море есть очень много китов, но по соседству с жильем используют, в основном, выброшенных на берег и только по необходимости. Во время нашего пребывания маленький кит был выброшен на берег и находился далеко, в 2–3 часах отсюда, в Авачинской бухте, где его случайно обнаружили наши морские офицеры, которые хотели зарисовать бухту. Медведи расположились вокруг него, и только на следующий день жители принесли несколько центнеров уже большей частью поделенных остатков.

Огромное количество и многообразие здешних растений и насекомых свидетельствуют о высокой плодородности почвы и до этого наблюдаемые метеорологические условия гарантируют нам, что виды корешковых и других растений произрастают здесь так же хорошо, как в северной

части Германии. Со времени нашего пребывания показания термометра были от 8 до 15 градусов, в теплые дни на солнце – от 20 до 22 градусов выше нуля.

Если представить себе к тому же относительное богатство ценных мехов, то можно, пожалуй, понять, как важна для этой страны более близкая торговля с Японией или Китаем. Все продукты для жизненных удобств: одежда, ткани, глиняная посуда, чай, сахар, рис, капканы и т. д., все, что привозится сюда из Сибири по большим ценам, можно намного легче и дешевле получить от японцев взамен сушеной, соленой и копченой рыбы и меха.

1. Fernere Reisenachrichten von Herrn D. Langsdorff an J. F. Blumenbach. Aus dem Petropawlowschen Hafen auf Kamtschatka. Den 23 Aug. 1804 // Magazin für den neuesten Zustand der Naturkunde. Weimar, 1805. Bd 10. № 3. S. 203–205.

№ 3

Из письма Г. И. Лангсдорфа И. Blumenbachу. 7 июня 1805 г. Гавань Петра и Павла на Камчатке.

Во-первых, сразу же отвечаю на вопрос в Вашем сердечном письме. Я был неожиданно удивлен и не ошибся в этом, встретив здесь образцы природы, которые в нашем отечестве общеизвестны. Меня обрадовал Ваш научный интерес к выяснению, какие образцы и представители природы схожи друг с другом или имеют много общего, или даже совсем одинаковы, и которые можно встретить в странах света, так удаленных друг от друга, как, например, Португалия от северо-восточной оконечности Азии.

Таким образом, сейчас у Вас для опыта имеется большое количество некоторых европейских бабочек, которых я также нашел здесь, на Камчатке, в прошлом году (Vom. Plantaginis, b. saja, Pap. Machon, P. pari, P. euphrosyne, P. Apollo.) Я вкладываю точное изображение бабочки P. Apollo, чтобы Вы смогли сравнить ее с нашей европейской, хотя на первый взгляд их не различить. Точно также я собрал на Камчатке много других европейских насекомых. Земляных, речных, морских рачков и прочих червей я всех передал усердному господину гофрату Тилезиусу.

1. Fernere Reisenachrichten von Herrn D. Langsdorff. Aus einem Briefe vom 7. Juni 1805. Peter Paulshafen an Herrn Hofrat Blumenbach // Magazin für den neuesten Zustand der Naturkunde. Weimar, 1806. Bd 11. № 4. S. 297–298.

От переводчика

По возвращении на Камчатку Г. И. Лангсдорф в качестве врача и натуралиста сопровождал Н. П. Резанова в путешествии по владениям Российско-Американской компании на Алеутские острова и северо-западное побережье Северной Америки. В 1805 г. экспедиция посетила ряд островов на побережье Аляски, в 1806 г. ее участники побывали в Калифорнии, на островах Кадьяк и Уналашка и вернулись на Камчатку. Зимовку на Камчатке ученый использовал для всестороннего изучения полуострова; научившись управлять собачьей упряжкой, он совершил большое путешествие на собаках.

Немцы, в частности первооткрыватели, всегда вызывали у меня чувство глубокого уважения и даже восхищения. Их менталитет, значительно отличающийся от менталитета путешественников других стран, в т. ч. и России, пронизан честолюбием и стремлением быть «замеченным» и в то же время – огромной ответственностью за то, что они делают, кропотливым, порой вызывающим недоумение, трудом во имя достижения своей цели, каковой бы она ни была.

Немцы очень равнодушны к своим титулам, статусам, званиям, степеням и т. д. Причем, если имеют две степени, то называют себя дважды и даже трижды доктором, чтобы все знали.

Например, на титульном листе «Журнала новейшего состояния естествознания», издаваемого Иоганном Генрихом Воигтом, указаны все «регалии» господина Воигта, а именно дважды доктор «каких-то», к сожалению, не удалось расшифровать указанные буквы, наук в Веймаре. Далее – советник, профессор математики и физики в Йене, член королевского общества наук в Гёттингене, ботанических наук в Гатлеме, природоисследовательских наук в Брокхаузене, минералогических наук в Йене и физико-математических наук в Эрфурте, содиректор общества исследования природы, а также практического физико-математического института в Йене (3, 4).

Двухтомный труд Г. И. Лангсдорфа «Наблюдения во время путешествия вокруг света в 1803–1807 годах», принесший ученому не только мировую известность и всеобщее признание, но и звание академика Петербургской Академии наук, вышел в свет в 1812 г. на немецком языке во Франкфурте-на-Майне.

Первый том автор посвятил «Его императорскому величеству Александру Первому» (5, т. 1), а второй – «руководителю русской кругосветки, предусмотрительному и умному мореплавателю; опытному, научному и исследовательскому натуралисту; человечному, добросовестному и проявляющему отеческую заботу главнокомандующему; сочувствующему, снисходительному и искреннему другу своих спутников; благородному, порядочному, достойному человеку; всеми почитаемому господину Крузенштерну, в знак моей благодарности и уважения» (5, т. 2).

Огромный материал, собранный путешественником в различных частях света, привлек к себе многочисленных читателей. 80 страниц из 638 посвящены исследованиям Камчатки, продолжавшимся почти десять месяцев. Четыре полные главы дают подробнейшее и достоверное описание Камчатки начала XIX в. В качестве примера можно привести главу 14, в которой на 20 страницах изложены вопросы собаководства. Как известно, Лангсдорф извездил на собачьих упряжках 1 500 км камчатской земли.

Так, глава 14 называется «Камчадалские собаки, рассматриваемые как упряжные животные. Вид собак; их образ жизни. Кастрация. Подрезание хвоста. Выращивание. Клички. Питание. Откармливание. Привалы. Количество в упряжке. Скорость. Нарты. Остов. Лыжа. Конек. Послуки. Езда на нартах» (5, с. 255).

Одно только название главы характеризует человека, написавшего данный труд.

Большой интерес представляют два рисунка с пояснительными текстами, имеющие прямое отношение к Камчатке.

Рисунок № 13:

«Панорама гавани святых Петра и Павла на Камчатке.

(С. Крашенинников, № 1. Стеллер, с. 16. Атлас Лаперуза, № 56. Сарычев, табл. 1, с. 165. Атлас И. Крузенштерна, табл. 28 и многие другие).

Все эти страницы представляют нам вид, который обозревается от жилищ гавани святых Петра и Павла на бухту Авача и устье бухты. Господин майор фон Тридериси, чьей доброте я обязан за данный рисунок, в качестве позиции избрал заметную на всех указанных страницах и составляющую здесь передний план узкую косу, откуда он очень достоверно представил вид подлинного местожительства. На заднем плане видна остроконечная вершина, известная под названием Авачинская Сопка. Среди больших строений на фоне других выделяются крончатый магазин, дом коменданта и здание русско-американской компании» (5, с. 215).

Рисунок № 14:

«Изображение и описание камчадалских нарт и собачьей упряжки, со всеми принадлежностями» (5, с. 248).

С той же немецкой педантичностью составлена и таблица на страницах 282 и 283, которая воспроизводит весь маршрут поездки Лангсдорфа по Камчатке на собачьих упряжках. В ней представлены названия населенных пунктов: от гавани Святого Петра и Святого Павла до Авачи, от Авачи до Коряк и т. д.; расстояние между ними в верстах (1 верста – 1,0668 км); так, от гавани Святого Петра и Святого Павла до Авачи – 12 верст, от Авачи до Коряк – 45 верст и т. д.; население в душах (в гавани – 200 человек, в Аваче – 32, в Коряках – 27 и т. д.) (5, с. 282, 283).

И если основная цель проекта «Лангсдорф – XXI век» состоит в повторении маршрутов Лангсдорфа и сопоставлении обширного научного наследия с современными данными, то эта таблица – готовый план путешествия по Камчатке.

В книге путешественника, помимо точных данных по географии, растительному и животному миру, населению, его быту, языку и т. д., очень много других интересных фактов, характеризующих автора. Это и сентиментальное стихотворение, посвященное двум утонувшим морским офицерам; это и ноты музыки к камчадалскому национальному танцу бакия с описанием самого танца; это очень доброжелательная и в то же время подробнейшая характеристика коряков, их образа жизни. Складывается впечатление, что ни одна мелочь не осталась незамеченной, вплоть до столовых приборов. Этим как раз подтверждается одна из характерных черт ученого «Все заметить и ничего не пропустить».

По записям, сделанным исследователем, можно судить, сколь широк был круг вопросов, которыми он занимался во время путешествия. Зоологические, минералогические, ботанические наблюдения соседствуют с материалами по лингвистике и страноведению.

Книга Г. И. Лангсдорфа переводилась на разные языки и выдержала ряд изданий. На русский язык она, к сожалению, не переведена.

1. *Комиссаров Б. Н.* Международный культурно-экологический проект «Лангсдорф – XXI век» и Камчатский край: док. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://gamuli.narod.ru/meetings.html> /сайт Межрегиональной общественной организации «Камчатское землячество «Гамулы»/.

2. [*Langsdorff G.*] Auszug eines Schreibens des H. Dr. Langsdorff an den H. Akademikus... v. Krafft. S. Peter und Paulshafen. 13 Aug. 1804 // Storch H. Russland unter Alexander dem Ersten. Eine historische Zeitschrift... St.-Pbg. ; Leipzig, 1805. Bd. 6. P. 411–418.

3. [*Langsdorff G.*] Fernere Reisenachrichten von Herrn D. Langsdorff an J.F. Blumenbach. Aus dem Petropawlowschen Hafen auf Kamtschatka. Den 23 Aug. 1804 // Magazin für den neuesten Zustand der Naturkunde. Weimar, 1805. Bd 10. № 3. P. 193–206.

4. [*Langsdorff G.*] Fernere Reisenachrichten von Herrn D. Langsdorff. Aus einem Briefe vom 7. Juni 1805. Peter Paulshafen an Herrn Hofrat Blumenbach // Magazin für den neuesten Zustand der Naturkunde. Weimar, 1806. Bd 11. № 4. P. 297–309.

5. *Langsdorff G. H.* Bemerkungen auf einer Reise um die Welt in den Jahren 1803 bis 1807. Bd. 1–2. Frankfurt-am-Main : F. Wilmanns, 1812. 303 p.; 335 p. Mit Kupfern und einem Musikblatt.

6. *Langsdorff G. H.* Einige Bemerkungen, die Eigenschaften des Kamtschadalischen Fliegenschwammes betreffend: Amanita muscaria β Camtschatica // Annalen der Wetterauischen Gesellschaft für die gesamte Naturkunde. Hanau ; Frankfurt-am-Main, 1809. Bd. I. P. 249–256.

7. *Стеллер Г. В.* Описание земли Камчатки. Петропавловск-Камчатский : Камчатский печатный двор, 1999. 288 с.

Л. Е. Лобкова ВКЛАД РЕНЕ МАЛЭЗА В ИЗУЧЕНИИ НАСЕКОМЫХ КАМЧАТКИ

Рене Малэз, увлекающийся молодой энтомолог, еще во время учебы вместе с орнитологом Стэнном Бергманом мечтал предпринять научную экспедицию на Камчатку, к этой идее позже присоединился и ботаник Эрик Хультен. В 1920 г. эта мечта осуществилась, когда была организована комплексная Шведская Камчатская экспедиция, где Рене Малэз выполнял энтомологические исследования. Все члены экспедиции в 1922 г. покинули Камчатку, а Р. Малэз с небольшими перерывами оставался на Дальнем Востоке до 1930 г. (1).

За эти годы Рене Малэз работал во многих районах юго-восточной и центральной части полуострова Камчатка, не посетил лишь его северную часть и западное побережье. Он с энтузиазмом изучал насекомых, обследовал Петропавловск-Камчатский и его окрестности с июля по сентябрь 1920 г. и с мая по сентябрь 1922 г.; горы бух. Русской до высоты 1 000 м над ур. м. (Achomten Bay) – в сентябре 1920 г.; Усть-Камчатск – в мае 1921 г.; Ключи - Козыревск – Щапино – Николка – Долиновка (Maschura) – с мая по сентябрь 1921; Кроноцкое оз. и бух. Ольга (Кроноки) – в сентябре-октябре 1921 г. (Sjostedt, 1925).

Во второй свой приезд на Камчатку в 1924–1929 гг., наряду с другими своими занятиями, он продолжает изучать насекомых в окрестностях Усть-Камчатка, Козыревска, Ушков, Толбачика, горячих источников на р. Анауна, а также Петропавловска-Камчатского, Елизова, Паратунки, в Авачинском заливе в бух. Саранной, Тарье, посещает о. Старичков (Toročkoff Insel), совершает восхождение на Авачинский вулкан (2). Здесь мы приводим оригинальную карту (рис. 1) с пунктами сборов насекомых из работы Рене Малэза по пилильщикам Камчатки (3). В это время он собирает насекомых многих систематических групп, используя различные известные способы лова. Но неутомимый исследователь для более эффективного лова насекомых изобретает новое приспособление, затем прославившее его. Это ловушка Малэза, которую теперь знает любой энтомолог или коллекционер насекомых. Она основана на положительном фототаксисе и отрицательном геотаксисе многих насекомых. Летающие насекомые, натолкнувшись на площадку из ткани (мельничный газ), поднимаются по ней вверх, к свету, где закреплена банка с фиксирующей жидкостью, куда они и попадают (рис. 2). Эта ловушка помогла собрать Р. Малэзу обширную коллекцию по многим видам двукрылых, жесткокрылых (жуков), но наиболее радовало его, что туда собирались перепончатокрылые насекомые, особенно его любимая группа пилильщиков.